

15 июля. Вторник [1898]

Пришел великий, давно жданный день вступления на Колымажный двор в роли хозяев этого чудного места. Что скрывать? Когда, в 10-м часу утра, я шел из Университета по Моховой и Волхонке к этому месту, то словно подгоняла меня какая-то посторонняя сила. В ногах чувствовался какой-то зуд, и они нетерпеливо двигались вперед - и если бы не встречи со знакомыми и не эти столь знакомые места, то бежал бы бегом. Степенность и спокойствие были тут напускные. Площадь за вчерашний вечер и нынешнее утро совсем преобразилась: загородь во многих местах снята, в пустые места въезжали и выезжали массы подвод с кирпичом, бутом, бревнами, досками, тесом. Плотники сколачивали и сшивали забор, который тут же и красился в серый цвет. Рабочие всех категорий двигались во всех направлениях площади. На углу к храму Спасителя поставлена была легкая палаточка с брезентовым верхом для архитектора и чертежей. Когда все встало передо мною, лишь я вышел к Ваганьковскому переулку, слезы застлали мне эту незабвенную картину. Расцеловались мы с Клейном, поздравил я его с началом великого дела - и, пока он с своими помощниками разбивали площадь под сквер и здание, я пошел в храм Спасителя помолиться перед начатием земляных работ, перед этим водружением первых заступов в землю. Никогда мне не казался радостнее, краше, величественнее этот чудный храм, как в эти минуты, которые начинали столь лестное и давно желанное соседство Университета и Музея с этим дивным памятником народной славы.

Когда настало время определять линию главного фасада здания, устроили мы с Клейном последнее совещание, где проводить ее и, следовательно, до какого пункта продолжать Музей на заднем плане площадки. В Тарусе я мечтал о возможности отодвинуть главный фасад на 20 саж. от Волхонки, но на практике это оказалось совершенно невозможным, так как тогда бы правым углом здания пришлось бы далеко врзаться в улицу, в силу того что задняя межа площади идет по наклонной линии с З[апада] на В[осток]. Рассудили мы на месте, вычертивши на земле часть заднего фасада, не выдвигать углы здания вплоть до тротуара, оставив здесь хотя крошечную ленточку промежуточного пространства. На правом углу его пришлось всего один аршин. Это очень мало, но это лучше, чем ничего. И эту каемочку можно после огородить от обычного у нас загрязнения задних сторон казенных зданий бесцеремонным народом. Размеряли портик и боковые колоннады фаса-

да, повсюду натянули бечеву, понаставили скамеек с нарезками пунктов измерения. Дело затянулось надолго. Но к пяти часам все подготовительные работы по разбивке кончились. Выступили по линии фасада копаши с заступами. Говор и крики, раздававшиеся весь день на площади, стихли, замолк и весь день командовавший Клейн, и, обыкновенно живой, веселый, смешливый, легко возбуждающийся, вспльщивый, он притих и со словами: „Ну, ребята!“ - снял шляпу и склонился перед храмом Спасителя. За ним обнажили головы все рабочие, принялись креститься и молиться со словами: „Помоги, Господи!“ - и потом все дружно, разом опустили свои заступы в землю. Прибыла на этот момент и супруга Клейна помолиться перед началом большого дела мужа, которое отныне займет его на целые пять лет и выше которого, по своему характеру и значению, ему уже не иметь в жизни.

Душевные настроения у великорусского рабочего меняются быстро: через пять минут землекопы уже весело болтали меж собой и подговаривались к получению от архитектора „на чай“ для начала дела. И этот „на чай“ они получили обильный.

16 июля. Пятница

Подготовительные работы по организации закладки в полном ходу. Приехавший из Петербурга Нечаев-Мальцов продолжает утверждать, что празднество назначено на 17 августа. Времени меньше месяца, а сделать придется очень много. С Ильинским, где живет Великий князь, сносился чрез генерала Степанова, который для ускорения отвечает телеграммами. Праздник намечается очень торжественный, на котором будет весь Двор; по соображениям лиц сведущих, с Государем¹ придут до 80 особ царствующего Дома и их свита. Предположено построить павильон для 120 человек и три трибуны на 600 человек. Кроме обычных гостей, при выходах и посещениях Государя, чинов и представителей сословий Москвы на университетский праздник просвещения необходимо дать доступ на трибуны студентам Университета, Лицея и технического училища, гимназистам, воспитанницам гимназий и институтов. И чем больше будет здесь учащейся молодежи, тем лучше: она внесет сюда свою молодость, оживление, радостное настроение и живой интерес - те бесценные свойства, которыми владеет один только этот возраст и никакой более. Слышатся голоса и против допущения молодежи на этот праздник; исходят они от лиц придворных сфер, и взамен этого рекомендуется ограничение первыми четырьмя классами чинов, про-

фессорами Университета и Комитетом. Так-де спокойнее, а то не выкинули бы студенты какой-нибудь штуки, которая омрачит праздник. Я не разделяю этих опасений и никогда не соглашусь, чтобы оказался какой-нибудь безумец

Работы идут всего третий день на площади, а как сильно она изменила свой вид. Выросли сараи для рабочих, для цемента, строится изба для чертежей и конторы, навезено кирпичу, камня, буту, песку, бревен, досок, тесу.



и преступник на наших трибунах. Негодяи этого сорта обыкновенно прячутся и действуют из-за угла; свет и оживление больших и праздничных собраний убивают их дерзкую отвагу. Да и к чему непременно предполагать в студентах разрушительные стремления? Отрицать существование нескольких безумцев между ними, конечно, было бы делом напрасным, но в каких классах нашего общества их нет? И из-за нескольких негодяев или несчастных утопистов опасаться всего студенчества было бы несправедливо и жестоко для последнего. Нет, стану писать и Степанову и Истомину⁸ о введении на наш праздник возможно большего количества учащейся молодежи, мужской и женской. А то с этими генералами четырех классов будет чересчур чопорно, сухо, казенно-слащаво и пото-му до тошноты скучно.

Возы и рабочие движутся по всем концам. Серенькая по костюму, небольшая и крайне подвижная фигура Клейна носится по всей площади. Идут земляные работы полным ходом и тем успешнее, что грунт оказался, как и ожидали, отличным. Нечаев-Мальцов, так много строивший на своем веку всевозможных зданий, в восторге от сухости этого грунта, лежащего к тому же близко, на три аршина и менее, по мере удаления от Волхонки. Ныне только что назначенный в товарищи министра народного просвещения Зверев⁹, Нечаев-Мальцов, Клейн и я провели три часа на работах. В одном из только что сколоченных сараев держали мы совет по разным вопросам предстоящего праздника; устанавливали места закладки, царского павильона, трибун и помоста для рабочих, обсуждали порядок приглашения избранных лиц из Москвы и

Укладка фундаментов здания Музея.
В центре — инженер И.И. Рерберг.
Лето 1899

других городов, Клейн вырисовывал образцы нагрудного знака для членов Комитета, которому придется играть в приеме Государя первую роль, толковали даже о том, где бы, в одном из ближайших сараев, поставить маленький буфет с бутербродами и чаем для членов Комитета, которые должны будут явиться на площадь часам к десяти утра и ожидать здесь до трех часов прибытия Государя и Двора. Публика соберется к первому часу.

17 июля. Суббота

Нечаев-Мальцов — против приглашений избранных лиц, меры, принимаемой в материальных интересах дела, требующего еще очень больших денег. Хотя у нас и более миллиона руб., но ведь здесь считаются и 300 т.р. каменной облицовки, делаемой Нечаевым-Мальцовым; на одну выкладку и отделку здания нужно не менее 1.200.000 руб. Следовательно, нужно наработать еще около 500 т.р., задача крайне трудная, если упустить этот случай привлечения симпатий к нашему делу в богатом классе Москвы и городов московского района. Шульц¹⁰, Клейн, Зверев и я того мнения, что необходимо разослать приглашения таким капиталистам, как

Журавлеву¹¹ в Рыбинске, Бугрову и Рукавишникову¹² в Нижнем Новгороде, Оловянишникову в Ярославле, Коншину в Серпухове, не говоря о 25–30 богатых коммерсантах Москвы. Раз учреждение создается не на счет государственного сундука, как это обыкновенно делается в Петербурге сильными там государственными людьми, нам нельзя упускать случая быть любимыми в отношении тех, кто служит и может служить нашему делу своими средствами. А забудем мы или намеренно не вспомним мы их на этом, единственном по своему исключительному характеру празднике, нам будет закрыт всякий доступ к этому кругу, очень хорошо знающему свою денежную цену. Писал об этом Степанову, надобно написать и Истомину, прежде чем состоялось решение Великого князя на этот счет. Держать Его высочеству здесь исключительно высокую ноту и желать, чтобы жертвователи сами подходили к Музею и Комитету, совершенно естественно в его положении, но у людей, стоящих лицом к лицу к задуманному предприятию, исключительно им занятых, отношение к делу, по необходимости, иное. Нам, двоим-троим, по опыту известно, каких трудов, переписки, лич-

ных сношений, сколь частых и горячих бесед стоили жертвы, о которых теперь так много и восторженно говорят и пишут. Охотников подходить со своими деньгами к чужой идее, к чужому делу на свете бывает очень мало. Исключительно сами, без чьей-либо просьбы, хотя бы [Пропуск в тексте. - М.А.], имеющей форму и тон даже отдаленного намека, подошли к устройству зал только Великие князя Сергей и Павел Александровичи, неожиданно объявившие мне 30 апреля об избрании ими зала „Парфенон“; без моей или чьей-либо иной просьбы назначил 100 т. руб. в неприкосновенный капитал Музея Ник. Сем. Мосолов¹⁸, мой давнишний приятель; по одному письму откликнулись мне целыми залами М.С. Скребицкая¹⁹, Л.М. Муромцев²⁰, с одного слова дал залу М.А. Морозов²¹, сами, после первого личного знакомства со мною, дали свои залы И.А. Колесников²², И.К. Провв²³, С.А. Прото-

попов²⁴. Остальные же залы явились плодом больших хлопот. Заставляют себя просить не одни люди купеческого сословия, но и архитекторы, иногда забывающие при этом даже формы деликатности. Я, кажется, упоминал о невежливом поступке Льва Готье²⁵, из московских купцов, Саввы Морозова²⁶ и др., нелепо надменную телеграмму прислал мне и кн. Фел. Фел. Юсупов²⁷, граф Сумароков-Эльстон, на просьбу мою о залах. И ему, распоряжающемуся колоссальным состоянием Юсуповского рода, следовало бы показать зубы за этот неподобающий тон, но его спасли в данном случае помощь, выпрошенная у него Рейману²⁸ Истоминным, и надежды, что он, в силу положения его при дворе Великого князя, все-таки сделает нам что-нибудь достойное имени, полученного им женитьбою на чудесной и наружностию и характером кн. Зин. Ник. Юсуповой.



Столб с капсулой, в которой помещена закладная грамота. 17 (29) августа 1898



Этих и многих других подробностей хождения по Москве, по кабинетам и конторам ее богатых людей, с их беседами иногда весьма надменного и грубо-застыженного характера, Великий князь знать не должен и, конечно, не узнает. Но продолжать эти хождения необходимо, чтобы достичь раз поставленной цели. Чрез Истомина и Степанова надобно добыть разрешение послать приглашения, не дожидаясь, что нас станут искать нужные для Музея лица и семьи. Нечаев-Мальцов острит насчет того, что любезностью нашей воспользуются, на праздник приедут - Государя и царскую фамилию посмотреть, а затем скажут нам терси и нас основательно забудут... Конечно, без этого не обойдешься; будут и такие, но далеко не все. Толк от этих приглашений все-таки окажется немалый. В этом я не сомневаюсь.

16 августа. Воскресенье. Вечер

Большое затруднение представляет сбор профессоров на закладку. Из 99-100 человек не находится и 20, живущих поблизости от

Ю.С. Нечаев-Мальцов, И.И. Рерберг, Р.И. Клейн и И.В. Цветаев на строительстве Музея. 2 августа 1901

На строительстве Музея. Итальянские мраморщики за работой. 1901

Москвы и имеющих мундиры. Остальные по деревням и, конечно, приехать нарочно не захотят. Вот вам и университетская коллегия, и „славные предания Московского университета“. Едут к нам на закладку университетского учреждения, не только равного, но и подобного которому не знает история всех отечественных университетов, император, императрица и весь царствующий дом, а профессорам приходится разыскивать и упрямить занятии их место при этой встрече. И ректор²¹, и попечитель²², и Боголепов²³, приехавший сюда на праздники, в большом конфузе. Назначен, по программе, прием Государя и Государыни Советом Университета, при входе в павильон, а членов-то этого Совета и не сыщешь. Глупое и ничем путным не объяснимое явление. Мы любим искать образцов в заграничных университетах, а посмотрела бы наша братия, как отнеслись бы к посещению университета императором и его семьей профессора Лейпцига, Мюнхена, Бонна и даже самого Берлина, где император видим каждый день. Не пустовали бы места членов университетской коллегии ни в Оксфорде, ни в Кембридже, ни в Риме, ни в Болонье, ни в Париже, ни в Лионе и ни в каком университетском городе мира при посещении, подобном нашему. Эта профессорская холодность - единственная в своем роде. А поди скажи об этом свободно и прямо любому из наших халатников, какой вопль негодования поднимут эти учителя молодежи и каких гнусных инсинуаций и обвинений „в подлительстве к властям предреждающим“ наслушался бы этот смельчак. Узвленное самолюбие профессоров-ленивцев сообщилось бы студентам, и вышла бы целая история, одинаково опасная и для такого смельчака, и для молодежи, которую непременно после покарала бы за бунт. Любой из отсутствовавших профессоров сошлется на каникулярное время, когда-де он свободен от служебных обязанностей, и будет неправ. Вакации кончаются, по закону, 15 августа, и, если они ныне законным образом продлены, то ради приезда Государя и его семьи в Москву и ради тех исключительных празднеств, среди которых университетское торжество занимает второе место, а по своему значению в истории Московского университета, со дня его открытия, первое. Ничем, кроме халатности, кроме этого „Ну их! Обойдутся без меня, кто-нибудь да будет“, кроме лени, ничем иным, в громадном большинстве отсутствований, этого факта не объяснишь. В особом положении оказался проф. Герье²⁴: он и мундир имеет, и звезду, и ленту, и живет под Москвою, но, старавшись ме-

шать Университету в вопросе о земле, теперь, по получении этой земли Музеем, он не имеет мужества явиться на праздник своего Университета. Приглашение, однако, послано и ему.

Не лучшее дело и со студентами: насилу набрали 60 человек, ловивши встречных и поперечных, со всех факультетов, лишь бы не был замечен раньше в дурном поведении. Рассчитывали на студентов Лицея, но и там вместо обещанных 20 человек нашли только трех. То же безучастие, та же халатность и в молодежи, что и в ее наставниках. Молодых людей, считающихся в Московском университете до 4.000 человек, не интересует даже такое историческое событие, как открытие памятника Царю-Освободителю²⁵! Сколько их в эти дни по подмосковным дачам проводят время в праздности или козыряет в винт! Опять сравнение с иноземным студенчеством будет здесь не в похвалу и не к выгоде нашей. До какого патриотического экстаза доводило, на наших глазах, немецких студентов и профессоров открытие памятников Бисмарку и императору Вильгельму II Студенты наши, настоящие и бывшие, как коллегия, дают себя знать только 12 января²⁶, но, к стыду нашему, только в безобразных, до величайших пошлостей доходящих попойках по трактирам и шумных шествиях на те места, wo die schlechten Mädchen wohnen²⁷. Цвет юношества представляет тогда в Москве гнусную и грустную картину нравственности, разнузданности и темного разврата, которая озобочивает отцов и матерей и была уже не раз предметом порицаний в печати. Но все это не улучшает дела ни на иоту. Московским студентам в день основания Университета (8 февраля) стала в беспутстве поведения подражать, в последние годы, и петербургская молодежь.

Сейчас принесли на просмотр именные мраморные кирпичики для завтрашней закладки. Заказ их делал Нечаев-Мальцов, и, как человек придворный, он позаботился только о высочайших особах. Нет именных кирпичей ни министру нар. просв-ия, ни попечителю учебного округа, ни ректору Университета, ни даже митрополиту²⁸. Теперь уже ночь, вырезать надписи некогда, да и рабочие все гуляют. Завтра придется краснеть перед всеми, имеющими право на именные кирпичи. Дела в эти дни было столько, что я не удосужился съездить на конец города к мраморщику - и вышло дело дрянь. Надобно бы приготовить именной кирпич и Московскому голове, как представителю города, а то в Думе сочтут это отсутствие за мелкие счеты с нашей стороны по поводу противодействия кн.

Голицына²⁹ в вопросе о Колымажном дворе. Дело же объясняется гораздо проще.

Надо съездить к Клейну, чтобы провести с ним последний часок кануна. Он тоже утомлен и исхудал до крайней степени.

Таруса. 24 августа

Эти дни были так полны всякого дела и быстрых передвижений, что нельзя было и подумать об этой тетради. Приходится поэтому занести главнейшие события лишь по воспоминаниям.

17 августа.

Этот лучезарный день в истории нашего дела должен остаться в нашей памяти навсегда, как кульминационная точка, до которой возвысилось наше когда-то скромное, когда-то маленькое предприятие и ставшее теперь предметом всеобщего внимания не только Москвы, но в эти дни и целой России. В последние месяцы, начиная с 12 марта, дня обозрения проекта Музея Государем, творилось с этим делом что-то баснословное, что-то воистину сказочное. Когда император спросил меня в тот день о материальных средствах, я преувеличил на 50 т.р., сказавши, что мы имеем 200 т.р.: к алексеевским 150 т.р. я мысленно прибавил остальное, основываясь на сообщении Клейна, что И.К. Проведаст, после переговоров с ним, Клейном, о Комитете, 50 т.р. И затем смело доложил Государю о проекте раздачи именных зал жертвователям, стоимости их, вследствие чего у нас должна будет образоваться сумма в 650 т.р. только по одной этой статье. Как случилось, что ни Государь, ни Великий князь Сергей Александрович не охладели своею критикой этого фантастического расчета, я не знаю. Только этот смелый проект встретил и благосклонное внимание, и видимое сочувствие.

С тех пор все дары Музею приняли исключительно этот путь, и теперь мы подходим к концу раздачи зал. Такой совершенно новый оборот дела высоко поднял значение и Комитета, и Музея, интересовал после Государя и привел нас к этому празднику, о котором не мечтал никто из нас и в грезах.

В последние дни барометр начал падать, все мы боялись за 16-е и 17-е - дни московских торжеств, но день открытия памятника Александру III был ясный, солнечный. Ночь светлая, лунная, так что, перебираясь в первом часу с Девичьего поля от Клейна, за отсутствием в той глухой местности извозчиков в такую пору, на платформе конно-железной дороги, нагруженной песком, и совершая этот необыкновенный переход рядом с вечером от клиники по Плющихе, Арбату, Никитскому бульвару вплоть до Ни-

китских ворот, я наслаждался звездным небом, всем сердцем желая солнечного блеска для нашего праздника. И потому первым движением моим на следующее утро было подойти к закрытому окну, толкнуть внешнюю деревянную ставню. Луч солнечного света заблестел в доме, наполнив мое сердце необычайной и громкой радостью, разбудившее приехавших на наш праздник из Тарусы жену и дочь³⁰ раньше их привычного времени.

Было 7 часов утра, приезд Государя и царствующей фамилии назначен на 3 часа пополудни. Утром должны были сойтись в павильоне на Колымажном дворе Нечаев-Мальцов, Клейн и я для установки цветов и растений - часть Юрия Степановича, для покрытия пола красным сукном - часть Клейна, и для развески образцов катакомбных рисунков Реймана по стенам павильона - это предстояло мне. Решение представить Государю реимановские картыны здесь, при закладке, состоялось только 16-го и могло быть осуществлено лишь благодаря помощи со стороны Об-ва любителей художеств, у которого оказались и подходящие рамы со стеклом для этих картонов, и искусные руки служителей, работавших над этим накануне далеко за полночь. Служители Румянцевского музея в 7 часов утра забрали весь материал и до начала движения по улицам в эти праздничные дни спокойно перенесли все это с Малой Дмитровки на Колымажный двор. В 8 часов работало уже бюро Комитета в Университете над раздачей билетов запоздавшим адресатам и значков членам Комитета, принесенных только поздно вчера вечером. Посланные от наших сочленов приходили за ними три последние дня, но ювелир Лорье все обманывал наши ожидания. Оттого в восемь часов утра уже шли быстрые раздачи этих украшений; с значками должны были прибыть на праздник даже Великий князь Сергей Александрович с Великой княгиней Елизаветой Федоровной³¹; их должны были надеть уже на самой закладке почетные члены Комитета - Великие князья Владимир³² и Павел Александровичи и Константин Константинович³³.

Как ни поздно мы расстались с Клейном вчера, он уже с шести часов был с порядчиком и рабочими в павильоне. В девятом часу я встретил работы там в полном ходу. Нечаев-Мальцов, забыв свой 62-й год, сновал по площади, командуя расстановкою декоративных растений по дороге, ведущей к павильону, и в самой палатке. Павильон, убранный разноцветными тканями, с мачтами и красивыми стягами с гербами государственным и Дома Романовых, производил импозантное впечатление и

своими очень большими размерами, и изящной архитектурой. По общим отзывам, этот павильон был лучшим из всех, построенных на нынешнее посещение Москвы Государем в разных местах. Имя Клейна, его вкус и энергия прославлялись повсюду, до придворных сфер включительно. Нахлопотавшись вдоволь, мы расстались, чтобы переодеться и явиться снова в 12-м часу, перед вступлением гостей на площадь. Дома я застал моих дам в больших хлопотах: они забирали свои наряды, чтобы отправиться на Плющину к родным. Там назначены были одевание и пункт отъезда вместе с m-me Мейн, в их ландо³⁴. Желая занять места лучшие на трибунах, они еще накануне выбрали их, излазивши обе трибуны и примерявши все наиболее выгодные точки. Избранное в конце концов место они отметили карандашом, остановившись на левой стороне (с Волхонки), откуда они должны были ясно видеть въезд Государя и высочайших гостей, церемонию закладки и построение деревянного большого креста на возвышении, как раз назначенное подле этой трибуны.

25 августа о 17 августа

Чтобы обеспечить себе обладание этим пунктом, мои дамы начали просить меня провести их на Колымажный двор раньше других, „самыми первыми“. Сколько я ни указывал, что хозяева не должны пользоваться лучшими местами, с дамами не сговоришь. „Вот еще! Ты работал столько для этого праздника, а мы и посмотреть, как следует, не можем. Нет, ты нас проведешь, непременно проведешь“. К жене и дочери присоединилась m-me Мейн: ну, как тут устоять? Заблаговременно взял я у обер-полицейстера особый билет для входа во все ворота этой площади, во всякое время и с семейством. Это дало мне возможность провести свою докучливую свиту с угла, от церкви св. Антипия, такими воротами, которые нарочно были, в указанный момент, открыты только для нас. Дамы мои явились первыми на площадь, заняли избранные места не только для себя, но и для семейства Клейна и Шульца. Благополучно решивши дамский вопрос, я прошел в павильон для приема гостей, которые стали быстро собираться с 12 часов. Дружно начала заполняться и левая - „университетская, комитетская, интеллигентная“ трибуна. Так называлась она потому, что билеты на нее раздавались в Университете и рассылались нами, и притом преимущественно лицам нашего мира. Она скоро сделалась совсем полна, несмотря на то что за день спешно мы должны были прибавить к ней особый помост, увеличивший ее двукратно новыми мест, вслед-

ствие чего здесь могло поместиться смело свыше 600 человек. На помосте, на видном месте, посажены были студенты, вытянутые в одну линию, чтобы их было заметнее. Так больше 60-70 человек мы и не могли найти их. Дамские туалеты были преимущественно белые и светлые, шляпы исключительно светлые. Трибуна эта была очень нарядная и вышла очень оживленной. Не то случилось с правой трибуной, и наполнить которую взялась канцелярия обер-полицейстера, оставивши все билеты на нее у себя. Канцелярия рассылала билеты по чинам, не справляясь, в Москве ли находились соответственные лица; тайные и действительные статские советники получали билеты для себя и жены только в силу их титула; здесь же должны были сидеть и 120 гласных Московской городской Думы, как того хотел кн. Голицын. На деле оказалось, что явилось гласных не более 15-20 человек, оттого ли, что они видели царскую фамилию вчера, при открытии памятника в Кремле, и должны были видеть Государя и Государыню завтра в Сокольниках в закладке городского убежища, устраиваемого в память коронавания Их величества, оттого ли, что билеты из Думы не все были разосланы, по отсутствию ли многих гласных в летнее время из Москвы. Правы оказались мы, кто говорил, что для Думы 50 билетов за глаза было бы довольно. Потерявши 100 билетов даром из 350, назначенных для этой трибуны, мы вынуждены были и вчера, и ныне утром отказывать многим желавшим, за неимением билетов. И здесь доказал свою нераспорядительность и близорукость кн. Голицын, посчитавший гласных только по печатному списку. Оказалось много пустых мест и из тех, которые были разосланы обер-полицейстером по табели о рангах. Делу замещения пустых скамей несколько помогла Е.П. Ермолова, сестра кавказского героя А.П. Ермолова, привезши с собою воспитанниц старших классов Александро-Мариинского института.

Три часа прошло в сборах публики до приезда Великих князей, их семейств и до прибытия царя с царицей, а как в этих встречах, разговорах, приготовлениях к приему высоких гостей незаметно пролетело время! Быстро смеялись лица, впечатления, беседы, рукопожатия, поздравления, новые знакомства. Павильон наполнился членами Государственного совета, сенаторами, высшими придворными чинами, министрами, членами Комитета, профессорами, лицами свиты Государя и Великого князя Сергея Александровича с Елизаветой Федоровной и дамами высшего круга. Втискались сюда же каки-

ми-то путями и корреспонденты газет, больших и малых, московских, петербургских и иностранных <...>

Университетский праздник наш посетили все, бывшие в Москве, принцы и принцессы, Королева греческая с наследным принцем и младшим сыном Ольга Константиновна³⁵, дочь Александра II Великая герцогиня Кобург-Готская Мария Александровна³⁶. Великие князья с супругами были все, за исключением престарелого В[еликого] К[нязя] Михаила Николаевича³⁷. Не стану описывать прибытия Государя с Государыней, сопровождавшегося восторженным „Ура!“ народа, которым залиты были все прилегавшие улицы. Государь был в наилучшем настроении, милостиво выслушал небольшое приветствие, сказанное попечителем Некрасовым, принял депутацию профессоров, приносивших благодарность Его величеству за необыкновенные щедроты его в отношении Московского университета, а затем, поздоровавшись с Великими князьями и министрами, он стал на молитву. Молебн с водосвятием совершал митрополит Владимир перед иконами Иверской Божией Матери, Спаса Нерукотворенного и св. мученицы Татианы, патронессы Московского университета, образ которой впервые в истории Московского университета для этой цели был вынесен из университетской церкви.

По освящении воды приступлено было, с благословения митрополита и по прочтении им закладочной записи на медной доске [Пропуск в тексте. - М.А.] Царь и царица положили первые камни и монеты в особо приготовленный ящик из твердого камня. За ними последовала длинная вереница высочайших особ, клавших деньги и камни, каждый в свой черед.

Так как это должно было занять не менее 1/4 часа, то Государь, подписывая акт закладки, написанный на пергаменте и после замурованный в толстом и герметически закупоренном стеклянном цилиндре в тот же столб, где скрылся каменный ящик с царскими кирпичами и монетами, вступил в беседу с Ю.С. Нечаевым-Мальцовым.

Взявши в руки золотое перо, прежде чем ставить свое имя, Его величество спросил нас: „А что вы сделаете с этим документом?“ - „Он будет положен в стеклянный цилиндр, герметически закрытый, и сейчас же будет замурован в столб“, - отвечал Нечаев-Мальцов. - „Нужно ли ставить число?“ - сказал Государь, написавши четко и красиво „Николай“ на пергаменте, обратившись ко мне. - „Число прописано в самом тексте акта, который представляет собою только что прочитанную Его высокопрес-

вященством запись медной доски“, - доложил я. - „Ну, как же идут ваши дела, каковы материальные средства Музея теперь?“ - „Успех превзошел наши ожидания, Ваше величество!“ - „Как велика сумма в настоящее время?“ - „Миллион двести пятнадцать тысяч“. - „О, вы теперь богаты! Я слышал, что пожертвования продолжались до последних дней“. - „Даже князя на этом месте, получен мною от нового жертвователя зал для Музея“, - отвечал я на эти вопросы.

Пока император разговаривал с нами, Великие князья и Великие княгини клали свои именные камни, собравшись вокруг закладочного места. Дело шло медленнее и от неопытности Великих княгинь и их детей, и оттого, что вечно веселый и смешливый Великий князь Владимир Александрович начал высмеивать неумелых, указывая, что архитектор не больно-то похвалит их после за такую плохую кладку. Это производило улыбки, перешептывания и еще более замедляло церемонию закладки, как после сказывал нам Клейн, заправлявший всем этим делом.

Нечаев-Мальцов между тем доложил Их величеству, что нами выставлены катакомбные рисунки Реймана. Государь, припомнив мой доклад о них 12 марта, пожелал их осмотреть и предложил мне дать объяснения.

Их величества проследовали к тому месту, где были развешены эти картонки. Знакомившись с необыкновенной тщательностью этих копий, единственных в мире, Государь внимательно выслушал мои слова об изображении Христа в виде рыбы. „Ах, ведь это обозначало что-то особенное?“ - „Греческое название рыбы заключало в себе инициалы выражения „Иисус Христос, Сын Божий, Спаситель“.

„Ах, да, в „Quo vadis?“³⁸ Сенкевича говорится об этом“, - вспомнил Государь недавно вышедший роман этого польского писателя, являющегося одной из крупнейших сил среди современных романистов во всей Европе. Затем осмотрены были картонки с изображениями Спасителя в виде доброго пастыря, в форме римлянина, бритого, стриженного и в римской тоге, и, наконец, в византийском образе из катакомб свв. Петра и Маркеллина вблизи Рима, относящемся к V в. Беседа Государя с нами привлекла внимание Великих князей Владимира Александровича и Сергея Александровича, которые подошли к нашей группе. Когда я докладывал Их величеству о трудностях работы Реймана в сырых, холодных и, как ночь, темных катакомбах, Государь припомнил мои слова о том же, сказанные мною 12 марта, как об этом, так и о готовности одного американского миллионера запла-

И. Цветаев. Из дневниковых записей

тить за древнейшее изображение Спасителя и апостолов Петра и Павла в катакомбах какую угодно цену. Лишь бы этот экземпляр оставался у него, единственного. В этот разговор вступил и Великий князь Владимир Александрович, сказавши Государю, что он знает этого художника, что он видел его в Риме, видел и его работы. Когда я доложил, что в последние годы поддерживает материально Реймана князь Юсупов, он перебил меня вопросом: „А ведь раньше помогал ему кто-то другой, из здешних купцов?“ - „Да, Ваше высочество, сначала поддерживал его здешний чайный торговец Попов, представитель фирмы „К. и С. Поповы“ - ответил я, не без чувства грусти вспомнив о Константине Семеновиче, в котором ныне нельзя узнать и тени прежнего доброго, отзывчивого на всякое хорошее дело человека. Не брось грубо на это предприятие два года перед сим, ему бы место было в Комитете и ныне подле Государя, у этих картонов. Вместо этого он прожигает свою жизнь вдали от всякого света и всего порядочного, окруженный продажными женщинами и толпой низких прихлебателей-паразитов.

От катакомбных рисунков Государыня перешла к выставленным картонам фасадов Музея. Главный фасад привлек особое внимание Ее величества; остановившись перед ним, она сказала нам: „Comme c'est beau!“¹⁸ и затем, обратившись к Боголепову, спросила по-французски, сколько времени будет строиться Музей, „Около пяти лет“, - отвечал он.

26 августа о 17 августа

Этот вопрос о продолжительности постройки заинтересовал и Государя, которому я должен был доложить, что пятилетний срок избирается нами и ради обширности сооружения, и потому, что Юрий Степанович дарит нам каменную облицовку фасадов, которые потребуют особо медленной работы. Нечаев-Мальцов к этому прибавил, что он намерен отправить геологов на Урал для исследования одной горы, заключающей в себе различные породы яшмы, и что он желал бы облеить Музей в яшму. Император с улыбкой слушал эту речь, как и уверение, сказанное Юрием Степановичем, впрочем, в шуточной форме, при подписи акта закладки Государем, что наш Музей простоят дольше Колизея. - „Как поручиться за это?“ - вставил я в эту речь. - „Да, как поручиться?“ - сказал Государь. - Ныне строят гораздо хуже, чем в те времена“. Эту похвальбу Нечаева-Мальцова он вспомнил в тот же день вечером, на балу у Великого князя Сергея Александровича, сказавши ему с улыбкой при встрече: „Так Вы собираетесь выстроить

Музей прочнее пирамид?“ Этой шутке Юрий Степанович был очень рад и о ней после рассказывал нам с Клейном.

Закладыванье именных камней высочайшими особами приходило к концу; в этот момент Клейн подошел к Государю и попросил его осчастливить присутствием поднятие креста на стройку. Двинулись в направлении к левой, «университетской», трибуне; публика павильона столпилась в беспорядке около Их величеств. Я с Клейном шел непосредственно за ними. Кто-то, шедший сзади меня, о чем-то меня спросил; я, и без того не умеющий ходить ровно и плавно, тут быстро и резко повернулся назад, чтобы ответить на вопрос. Тем временем Государь, должно быть, замедлил почему-нибудь шаг или приостановился, и я его сильно толкнул в плечо. Не зная, кто потерпел от меня, я в пол-оборота сказал в извинение: „Ah, pardon!“ Сила ли неожиданного толчка или эта бесцеремонность объяснения обратили внимание Его величества. Он повернулся в мою сторону и взглянул на меня. Влопыхах и в изумлении, что это был Государь, я только расставил, вероятно, совсем некрасиво, руки и промолвил: „Извините, Ваше величество!“ Государь улыбулся в ответ на это и продолжал путь. После Клейн трунил надо мною и над этим: „Извините!“, сказанным так некстати. Да одно ли это нами сделано на празднике против придворного этикета! С этой точки каждый наш шаг и каждое наше выражение были, вероятно, ошибкой против того, неведомого нашему брату, катехизиса. Но, может быть, потому-то и Государыня, и Государь, и Великие князья и княгини, весь этот высший мир, чувствовали себя так хорошо и были столь милостивы к нам, что очутились в нашей своеобразной, искренней, но негалантной среде. Они были „на празднике в Университете“ и встретили там только то, что мы могли им предложить.

27 августа о 17 августа

Тем временем подошли к углу павильона, откуда можно было видеть церемонии поднятия креста. Зная, какое важное значение будет иметь во мнении рабочих факт присутствия при этом Государя, Клейн в последние дни очень много хлопотал о том, чтобы этот момент прошел особенно удачно. Для этой цели производились им неоднократно репетиции с людьми и лошадьми, которые должны были поднимать нижний конец мачты. „А ну как заартачатся лошади?“ - говорили ему при этом. - Или что случится с блоком и веревками в самую важную минуту?“ Нечаев-Мальцов советовал исключить эту часть из программы совсем, во избежание ка-

кой-либо неудачи. Клейн, однако, продолжал налаживать и лошадей, и рабочих, и инструменты. Крест он сделал большой, изящной работы, блок особенно надежный, лошадей вымуштровал, чтобы они не боялись толпы.

И все прошло очень хорошо. Левая трибуна, имевшая возможность видеть и эту церемонию, и высочайших гостей, перешедших на эту сторону павильона, в двух шагах от себя, была в восторге и поселяла, как оказалось после, большую зависть в публике правой трибуны, слепнувшей от солнца и видевшей только спины всех, кто наполнял павильон.

Государь продолжал расспросы. Рассматривая место, назначенное под сквер Музея, и обернувшись в другую сторону, где виделся задний план площади, он спросил меня: „Так из-за этой земли у вас были хлопоты и войны с Думой?“ Городской голова мог находиться где-нибудь в двух шагах, мог слышать этот щекотливый вопрос, я ответил: „В нынешний праздник, Ваше величество, мы позабыли все, что было трудного прежде“. Государь засмеялся, но тут вступил в разговор Великий князь Сергей Александрович и громко и с раздражением сказал: „Да, мы воевали из-за этой площади!“

Веселый и благосклонный, на виду всех подав руку Клейну и мне, Государь сказал в заключение: „Ну, я буду наведываться и следить через председателя Комитета за ходом ваших работ. Ждите нас на открытие Музея“. - „При этой надежде наша работа нам будет легка, Ваше величество“, - отвечал я.

Эта беседа Государя с нами происходила на самом видном месте, взоры всех обращены были на Государя, поэтому публика трибун и павильона была заинтересована словами Его величества. С разных сторон после посыпались на нас вопросы: что сказал нам Государь? о чем он говорил с нами так благосклонно в эту минуту? Известие, что император обещал быть на открытии Музея, мигом облетело и павильон, и трибуну.

Сказав эти слова, Государь с царицею отбыли с закладки, при общем почтении трибун и при громких кликах народа, залившего Волонку и соседние переулки. За государевой коляской последовал разезд высочайших особ и их многочисленной свиты. Публика трибун повставала со своих мест и устремилась к павильону, на двор, за ограду площади, хлынул народ с улицы и заполнил всю переднюю часть, до самого павильона. Начались общий беспорядок, толкотня и обрывание цветов, которыми был украшен павильон.

А между тем молебствие не было еще окончено, церковная часть праздника

Фото Закладной грамоты
Оформление Р. И. Клейна
1898

должна была продолжиться. По окончании церемонии положения камней высочайшими гостями и митрополитом все сочли церковную службу оконченной; в общеприподнятом настроении никто не заметил, что еще не было ни молитвы с коленопреклонением, ни ектении с



многолетием, ни провозглашения „вечной памяти“ императору Александру III, имя которого будет вовеки носить Музей, ни обычного отпущка с целованием креста.

Новый и очень молодой митрополит Владимир, недавно прибывший в Москву из провинции и никогда не бывший на архиепископской кафедре в столицах, по робости или по незнанию чрезвычайных порядков как-то ступившись, предоставив публике павильона двигаться за Государем. Стоило ему, по окончании положения камней, торжественно с клиром пойти на свое место к иконам и, предупредивши чрез диакона Великого князя Сергея Александровича, приказав продолжать службу, как все, начиная с Государя, воротились бы на свои места, и богослужение доведено было бы благополучно

до конца. А раз собственно „закладка“ кончилась, ни Великий князь, ни министр народного просвещения Боголепов, так же как и митрополит, человек новый вблизи Государя и Двора, ни попечитель, тоже со вчерашнего дня в этой должности, ни ректор, выступивший в своем звании публично здесь в первый раз и потому прятавшийся за спины других, и никто из нас не заметил этой большой неловкости в эту напряженную и необычайную минуту.

Только после, когда публика стала разъезжаться, нам стало ясно, что, в сущности, следовало возобновить службу после обозрения Их величествами катакомбных рисунков. Это обозрение наполнило для Государя время, требовавшееся на положение именных камней высочайшими особами. Церемония сия продолжалась 15-20 минут, если не более: что же было делать Государю в это время? Прежде думали о представлении Его величеству на закладке членов Комитета, но потом эта мысль была оставлена, как невозможная в исполнении при таком значительном числе. Членов было на закладке до 40 человек, как же было собрать их вместе, разбившихся ввиду высоких гостей по всему павильону. Гости двигались с одного места на другое, и Комитет наш рассеялся. Да и как было представлять Государю 40 человек: ни Великий князь, ни Нечаев-Мальцов не припомнили бы фамилий весьма многих из этих членов Комитета. Иные явились издалека, из Рыбинска, из Воронежа, из Рязани, в первый раз в нашу среду.

Обозрение священных изображений римских катакомб наполнило достойным образом эти свободные минуты. После этого и нужно было возвратиться всем на прежние места, но митрополит, клавший свой камень последним, пропустил этот момент. Едва окончился обзор, Клейн подошел к Государю просить его удостоить присутствием подъем строительного креста. Государь заинтересовался и пошел в сторону, противоположную иконам. Для Клейна эта минута была важнее всего, да и его ли винить, лютеранина по вероисповеданию, за нарушение православной службы, когда не помог делу никто из нас, православных? Все мы увлечены были минутой царской близости, что как никак забыли церковную часть праздника. Не помогло нам здесь и присутствие обер-прокурора св. Синода К.П. Победоносцева, большого знатока всех церковных обрядов. И он, в этом блеске царского присутствия, увлечен был течением праздника и не шепнул хотя бы министру народ[ного] просвещения о необходимости возобновить прерванное молебствие.

Едва удалились митрополит и клир из павильона, как началось и образованной публикой, и чернью разграбление украшений павильона. Барыни бросились обрывать цветы, не щадя и деревьев. И там, где слышно было церковное пение, сейчас понеслась бранная речь университетского экзекутора, выгонявшего непрошенных гостей из павильона. Я пуще всего боялся за катакомбные рисунки, которые могли быть расхищены. Крикнули мы университетских служителей и первым делом собрали их вместе и снесли их в задние конторы. Трескин⁴¹ и Романов⁴² должны были захватить скорее дорогие письменные принадлежности со стола, на котором писал Государь: Серебряная чернильница, золотое перо с дорожной ручкой, серебряная пещочница - все это смыла бы волна черни, залившая стройку, переднюю часть площади и павильон. Нужно было спастись скорее. И не напрасно, потому что на другой же день Нечаев-Мальцов попросил доставить ему перо, которым Государь подписал акт закладки.

28 августа о 17 августа

Началу молебна и прибытию Их величеств на площадь предшествовало поднесение дипломов почетным членам из царской фамилии и комитетских эмалевых значков. Видя эти новые „знаки отличия“, которыми мы, профессора Университета, жаловали царских особ, королева эллинов Ольга Константиновна громко спросила: „А что же нам ничего не дают? Дайте и нам“. Улыбками и смехом поддержали ее Великие княгини, стоявшие в этой группе. Сказали об этом Ю.С. Нечаеву-Мальцову, и он тут же заметил нам, что в ближайшее же время надобно будет королеву эллинов выбрать в почетные члены Комитета⁴³ и что он позаботится заказать сделать акварельную рамку диплома.

Праздник наш закончился обедом, данным членам Комитета Ст. Ал. Протопоповым в ресторане „Эрмитаж“. Протопопов - большой хлебосол и мастер подбирать характер блюд и напитков. Закуска одних он выставил огромный стол, так что этим можно было бы и кончить трапезу. А по программе это было только началом брашна. Много было произнесено речей, много было высказано пожеланий зародившемуся детищу на Колымажном дворе; все находилось под наилучшим впечатлением так чудно удавшегося праздника закладки.

А праздник вышел действительно каким-то феерически лучезарным. Ни одно учреждение во всех наших университетах и каких-то ни было высших учебных заведениях никогда не закладывалось в присутствии всех членов

царской семьи с Их величествами во главе. Здесь случилось нечто необычайное, поразившее всех своим удивительным блеском и теплотой. Потому-то в павильоне, по окончании молебствия, посыпалось на нас с Клейном столько приветствий, поздравлений, рукопожатий, поцелуев и объятий. Сколько было тут благопожеланий и благодарностей за такое зрелище, за возможность видеть так близко весь царский дом и блестящую его свиту!

Это был день, полный таких впечатлений, которые не изгладятся из памяти и из сердца никогда. Если бы в грядущей деятельности по Музею нас не ожидали никакие удачи и радости более, то чудных впечатлений этого 17 августа 1898 г. совершенно достаточно, чтобы поминать работу над созданием этого учреждения исключительно добром. Ему мы посвятим все силы, все лучшие помыслы остающейся нам жизни.